

О. И. Евстратьев

Республиканский институт высшей школы, Минск

A. Yeustratsyeyu

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930.1

ПОСЛЕВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУРЛЯНДСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

POST-WAR HISTORIOGRAPHY OF THE COURLAND COLONIALISM

В статье проводится анализ историографии истории колониальной политики Курляндского герцогства второй половины XX – начала XXI в. Выявляются как научные (источниковая и методологическая база исследований), так и вненаучные (идеологические интенции авторов) параметры рассматриваемых работ. Сделан вывод о наиболее активной роли латышских историков-эмигрантов в изучении истории курляндского колониализма в послевоенный период. Демонстрируется наличие определенной национальной ангажированности в интерпретации данной проблематики в работах последних.

Ключевые слова: колониальная политика Курляндского герцогства; послевоенный период; эмигрантская латышская историография.

In the article historiography of the history of the colonial policy of the Duchy of Courland of the second half of 20th – beginning of 21st centuries is analysed. The scientific (i.e. the source and methodological base of researches) as well as nonscientific (i.e. ideological intentions of the authors) parameters of the considered works are identified. It was concluded that the most active role in the study of the history of Courland colonialism in the post-war period was played by émigré Latvian historians. In the interpretation of this problem certain national bias in their works is demonstrated.

Key words: the colonial policy of the Duchy of Courland; the post-war period; émigré Latvian historiography.

Последний к настоящему моменту этап в развитии историографии колониальной политики Курляндского герцогства начался после Второй мировой войны (по поводу первых двух этапов см.: [3; 4]). Если в межвоенный период «колониальное наследие» курляндских герцогов оспаривалось прибалтийско-немецкими и латышскими историками, то во второй половине XX в. немецкая историография по очевидным причинам отошла от своих «экспансионистских» амбиций, а вместе с тем и от научного изучения колониальной политики Курляндского герцогства. В то же время латышский народ, оказавшийся в составе СССР, остро нуждался в создании колониального мифа для преодоления болезненных чувств, связанных с его «колониальным» угнетением. Эта потребность нашла свое воплощение в трудах латышских историков-эмигрантов, среди которых особого внимания заслуживает Эдгарс Андерсонс (1920–1989). С характеристики его работ мы и начнем настоящий очерк.

Необходимо подчеркнуть, что в основу данного обзора легли два критерия: 1) общенаучный уровень рассматриваемых трудов, обусловленный особенностями использованных при их написании источников и методологии; 2) внеучные параметры этих работ, отражающие идеологические интенции авторов в интерпретации тех или иных событий. С нашей точки зрения, именно эти критерии позволяют выявить концептуальную направленность исторического исследования, дать его всестороннюю оценку без сосредоточения внимания исключительно на разборе отдельных исторических фактов.

В 1949 г. Эдгарс Андерсонс эмигрировал в США. Оказавшись вдалеке от родины, историк начал искать следы своих «предков» в Америке. Именно поэтому он обратил внимание на курляндскую колонию на острове Тобаго в Карибском море, существовавшую во второй половине XVII в., где исследователь и надеялся обнаружить присутствие этнических латышей. Однако интерес к данной проблематике Андерсонс проявил раньше: еще в начале 1943 г. в научно-популярной статье, посвященной истории пиратства в Карибском море XVII в. [20], он затронул колониальный эпизод курляндской истории, связанный с островом Тобаго. Тогда автор открыто говорил о том, что «далекая Вест-Индия связана также и с судьбой группы латышей», упоминал «латышских колонистов» на острове Тобаго, подчеркивал, что «латышская колония» была населена свободными земле- и рабовладельцами [20, с. 4].

Вследствии Андерсонс опубликовал большое количество статей, посвященных проблематике присутствия латышей в Америке, научный уровень которых в плане использованных источников и методологии постоянно возрастал. При этом историк искал следы своих «предков» не только на острове Тобаго, но и в Бостоне, Бразилии и др. местах [8; 11; 14; 15]. Но все же большая часть статей Андерсонса связана именно с курляндской колонией на Тобаго [5–7; 9; 12–13; 16; 18]. Историк лично побывал на острове, что нашло отражение в соответствующей публикации [10]. В ходе «экспедиции» Андерсонс особое внимание уделил изучению курляндского колониального наследия на Тобаго, сохранившегося в форме топонимов (Большая и Малая Курляндские бухты, река Курляндия, форт Якоб, форт Казимир и др.), сооружений (названные форты, некоторые здания и др.) и т. д., происхождение которых автор старался связать с латышским народом [35, с. 496].

Вопросам международных отношений вокруг курляндской колонии на Тобаго и ее материально-технического обеспечения посвящена докторская диссертация историка «Курляндцы и Вест-Индия», которую тот защитил в 1956 г. в Чикагском университете [35, с. 41; 496]. Комплексный анализ колониальной политики Курляндского герцогства в устье реки Гамбия и на острове Тобаго проводится в двух его книгах, увидевших свет в 1970 г.: «Там развевались флаги Курляндии» [19] и «Древние курляндцы в Америке и колонизация Тобаго» [17]. Эти работы соединили в себе все предшеству-

ющие наработки автора, поэтому представляется возможным ограничиться их обзором, чтобы выяснить подход Андерсона к проблеме курляндского колониализма.

Данные исследования выполнены на высоком научном уровне. В основу их источниковой базы легли неопубликованные документы из Национального архива Нидерландов в Гааге (Algemeen Rijksarchief), Городского архива Роттердама (Rotterdamsche Gemmente-Archief), Национального архива Дании в Копенгагене (Rigsarkivet), Государственного архива Зеландии (Rijksarchief in Zeeland), Национального архива Швеции в Стокгольме (Riksarkivet), Национального архива Франции в Париже (Archives Nationales), отдела рукописей Британского музея в Лондоне (The British Museum, Department of Manuscripts), Государственного архива Великобритании в Лондоне (Public Record Office), отделения Германского центрального архива в Мерзебурге в ГДР (Deutsches Zentralarchiv, Zweigstelle Merseburg), в котором тогда находились фонды нынешнего Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине, Латвийского государственного архива в Риге (Latvijas Valsts Archīvs), а также ряд опубликованных источников. Безусловно, известна автору и вся «хрестоматийная» историография по данной проблеме: работы Х. Зевига 1872 г., А. Серафима 1890 г., Г. Дидерихса 1890 г., В. Эккерта 1927 г., Я. Юшкевича 1931 г. и О. Х. Маттисена 1940 г. (их обзоры см.: [3; 4]).

Таким образом, по сравнению с Отто Хайнцом Маттисеном [33] – предшественником Андерсона на почве комплексного изучения курляндского колониализма, латышский историк ознакомился с историческими документами из большего числа европейских архивов, однако с меньшим их количеством из «домашнего» архива курляндских герцогов, находившегося тогда (как и до сих пор) в Риге. С точки зрения использованных источников, две эти работы дополняют друг друга. Среди важных содержательных недостатков работ обоих исследователей можно назвать крайне поверхностное и неполное отражение борьбы за «колониальное наследство» курляндских герцогов в XVIII в., развернувшейся между их многочисленными наследниками и преемниками на курляндском престоле: Маттисен в своей объемной книге посвятил колониальной политике Курляндии в XVIII в. лишь часть последнего раздела [33, с. 985–990], Андерсон осветил данный вопрос не намного полнее [17, с. 298–307]. Авторы уделили пристальное внимание лишь «активной» стадии в истории курляндского колониализма при герцогах Якобе (1610–1681) и Фридрихе Казимире (1650–1698).

С концептуальной же точки зрения работы Андерсона и Маттисена сильно различаются. Маттисен, будучи историком прибалтийско-немецкого происхождения, всячески подчеркивал германский характер курляндской колониальной политики, проводившейся выходцами из германских земель на герцогском престоле, а также критически оценивал ход и масштабы за-океанской экспансии герцогства [33, с. V–VI; XXXV–XXXVI; XXXIX].

Андерсон, в свою очередь, рассматривал курляндский колониализм положительно. Он стремился доказать присутствие в курляндских колониях этнических латышей, симпатизировал курляндским колонизаторам, указывая на законность владения ими колонией на Тобаго, которая наравне с их поселениями в устье реки Гамбия пала жертвой интриг коварных европейских правителей, поправших нейтралитет герцогства и захвативших его заокеанские владения, демонстрировал гуманность курляндцев в отношении коренного населения колоний, углублял историю колониальной политики герцогства вплоть до 1639 г. или даже до 1634 г. и т. д. [17, с. 301; 367; 19; с. 147]. Однако научная добросовестность не позволила ученому зайти далеко в поисках этнических латышей среди курляндских колонистов, потому он остановился на срединной позиции, признав «интернациональный» характер курляндского колониализма [35, с. 497].

Несколько дальше Андерсона в этом плане пошли некоторые его коллеги. Колониальную проблематику в своих обобщающих работах по истории Курляндского герцогства и, в частности, периоду правления там герцога Якоба затронул латышский историк-эмигрант Александрс Валдонис Бергис. В 1960 г. увидела свет его книга «Правление герцога Якоба в Курляндии (1638–1682)». Колониальному эпизоду курляндской истории в ней уделено немало места – 47 страниц из 213 [24, с. 61–84; 142–147; 171–188]. В работе Бергиса «История Курляндского герцогства (1561–1795)», вышедшей в 1969 г., в главах, затрагивающих колониальную политику герцога Якоба, содержится текст, практически полностью идентичный предыдущей книге, который совместно с отсутствующими в первом исследовании сведениями о колониальной политике наследников Якоба Кеттлера занимает 60 страниц из 336 [23, с. 75–99; 142–157; 174–184; 191–195; 215–217].

Историю заокеанской экспансии герцогства автор рассматривает преимущественно в рамках ее активной стадии при герцогах Якобе и Фридрихе Казимире (т. е. с 1638 по 1698 гг.), лишь поверхностно касаясь периода борьбы за остров Тобаго между наследниками и преемниками курляндских герцогов из династии Кеттлеров в XVIII в. [23, с. 215–217]. Весьма ограниченной является источниковая база исследований Бергиса. В главах, посвященных истории курляндского колониализма, им были использованы преимущественно опубликованные источники, а также исторические исследования [24, с. 195–197]. Лишь в книге 1969 г. автор обратился к неопубликованным документам из отдела рукописей Британского музея [23, с. 306–309]. Таким образом, эти работы имеют преимущественно компилятивный характер, а их научный уровень в этой связи представляется довольно низким. Вероятно, именно это обстоятельство обусловило смелость автора в интерпретации истории курляндского колониализма в свете «золото-го века латышской истории».

Бергис рисует положительный образ курляндских колонизаторов, установивших дружественные отношения с местными жителями колоний

и гуманно обращавшихся с рабами, особенно в сравнении с другими европейскими нациями [23, с. 81; 84–85; 24, с. 68, 74, 78]. Сами колонисты, в частности на острове Св. Андрея в устье реки Гамбия, довольствовались религиозной толерантностью, свободой землевладения и наследования [23, с. 83; 24, с. 72] – благами, которых они были лишены даже на родине. Кроме того, автор утверждает, что среди курляндских поселенцев на Тобаго были этнические латыши из числа крестьян герцогских доменов, которых Якоб Кеттлер отправил колонизировать остров при условии превращения их из крепостных в свободных землевладельцев и собственников рабов [23, с. 89–90; 24, с. 77].

Таким образом, Бергис рисует весьма привлекательный образ колониальной политики курляндского герцога Якоба. В частности, колония на острове Тобаго у него показана как место, куда «угнетенные крепостным правом латыши могли переехать, чтобы достичь процветания и самореализации» [35, с. 496]. Аргументу Маттисена о невозможности допускать участие этнических латышей в курляндских колониальных экспедициях и в заселении колонии на Тобаго в силу отсутствия упоминаний латышских имен в соответствующих списках Бергис возражает, что «значительное число латышей, если не подавляющее их большинство, носили немецкие фамилии», кроме того «герцог Курляндии владел около трети всей территории герцогства как коронными доменами, где он мог набирать крепостных для своих колониальных предприятий», в конце концов, «нет никаких серьезных оснований предполагать, что латышские крестьяне были хуже приспособлены к жизни в тропических колониях, чем другие колонисты герцога из числа жителей Северной Европы» [23, с. 89–90]. Весомых документальных подтверждений присутствию этнических латышей среди курляндских колонистов историк не приводит.

С обретением Латвией независимости колониальная проблематика не утратила своей актуальности для латышской общественности. В 1992 г. в Риге была переиздана научно-популярная книга Жаниса Бундурса (Žanis Bundurs) «Древние латышские колонии Гамбия и Тобаго» [26]. Впервые она увидела свет в 1934 г. [38]. Колониальная политика Курляндии в ней преподносится в лучшем свете: в Гамбии «черные (местное население. – О. Е.) курляндцев уважали, а голландцев и англичан ненавидели» [26, с. 15], а влияние «латышских» колонистов на Тобаго оказалось настолько сильным, что до сих пор, по замечанию автора, среди белых жителей острова встречаются носители латышских фамилий (Ливс (Līvs), Курс (Kūrs), Малерс (Mālers), Либауэрс (Libauers), Летс (Lets) и др.) и в некоторых мулатах течет часть латышской крови [26, с. 17; 35; 498]. Никаких доказательств этому Бундурс не приводит.

Поиски этнических латышей среди курляндских колонистов на Тобаго нашли продолжение в статье латышского историка-эмигранта Карин Екабсон-Леманис (Karin Jekabson-Lemanis) «Балты в Карибском бассейне:

попытки Курляндского герцогства колонизировать остров Тобаго, 1638–1654» [30]. По словам автора, данная статья была написана на основе ее магистерской диссертации «Колонизатор, обреченный на провал: колониальные предприятия Курляндского герцогства, 1638–1681», защищенной в университете Мельбурна (Австралия) в 1996 г. [30, с. 41, прим. 1], а также с привлечением «латвийских архивов и документов» [30, с. 25]. Однако по мере ознакомления с текстом статьи обнаруживается отсутствие ссылок на какие-либо архивные учреждения, включая латвийские. Оказывается, что все это исследование подготовлено на базе опубликованных источников, а также историографии, включая работы Андерсона [30, с. 41–44].

В своей статье Екабсон-Леманис углубляет историю колониальных предприятий герцога Якоба на Тобаго до 1639 г. (первая неудачная попытка колонизации острова) и 1642 г. (вторая неудачная попытка колонизации острова). Автор, как и Бергис, подчеркивает положительные стороны курляндского колониализма: «Все люди на Тобаго, как коренное население, так и колонисты, включая слуг, крепостных и местных жителей, были землевладельцами и стали свободными людьми» [30, с. 38]. Также Екабсон-Леманис, вслед за Андерсоном [17, с. 114], на основе имен колонистов, упоминающихся в тексте клятвы верности герцогу Якобу, написанному в оригинале, по замечанию Андерсона, на верхненемецком (а не датском, как утверждает Екабсон-Леманис [30, с. 43, прим. 29]) языке, демонстрирует наличие среди курляндских поселенцев на Тобаго этнических латышей: Ян Мулке (Jan I. Mulke) – это Янис Мультис (Jānis Muļķis), некий Буррес (Burres) – это латыш Бурвим (Burvim) или Бурис (Buris), Ян Бревер (Jan Brewer) – это Янис Бруверис (Jānis Brūveris), Кенниш (Kennisch) и Перкенс (Perkens) – это, соответственно, латыши Цениньш (Čeniņš) и Перконс (Pērkonš) [17, с. 114; 30, с. 37; 35, с. 497, 506, прим. 11]. Однако подобные трансформации весьма сомнительны и требуют более весомых аргументов, нежели те, что приведены у Андерсона и Екабсон-Леманис.

Краткие и преимущественно компилятивные обзоры колониальной политики Курляндского герцогства, не представляющие большого научного интереса, содержатся в обобщающих работах по истории Латвии Арнольда Спекке 1948 г. [40, с. 230], Эдгарса Дунсдорфса 1962 г. [28, с. 60–64, 308–310; 337–341] и Агниса Балодиса 1991 г. [22, с. 100–102]. Эпизодические упоминания о курляндском колониализме встречаются в трудах английских историков Алана Бёрнса [27] и Беллы Соутхорн [39] по истории британской Вест-Индии и Гамбии соответственно, а также голландского историка Корнелиуса Гослинги по истории голландской колониальной политики в Карибском бассейне и Южной Африке [29].

Более обстоятельно к делу интерпретации истории курляндского колониализма в свете польского национализма подошел публицист Марек Арпад Ковальски в своей работе 2005 г., посвященной колониальным претензиям поляков [32, с. 79–146]. Однако его ничем не подтвержденные тезисы о вза-

имосвязях между колониальной политикой герцогства и Речью Посполитой порождают больше мифов, нежели открывают историческую действительность (подробнее см.: [2, с. 46–47]). Куда более высоким научным уровнем обладает статья по истории курляндской колонизации Тобаго голландского исследователя доктора Клейнтенса 1949 г. [31], в которой приводятся тексты ряда важных источников по этому вопросу.

В завершение хочется отметить, что в русскоязычной историографии проблематика курляндского колониализма практически не представлена. Лишь в сборнике по истории Африки 1970 г. содержится краткий и совершенно не подкрепленный источниками очерк по истории курляндской колонии в Гамбии [1, с. 343–347]. Его автор, советский африканист Абрам Давидович Дридзо, уверенно констатирует, что герцог Якоб реализовывал свои колониальные планы «руками латышей, составлявших подавляющее большинство его подданных», в связи с чем «1651 год (время высадки курляндских колонистов в устье реки Гамбия. – *О. Е.*) оказался датой первого контакта латышского народа с Африкой южнее Сахары» [1, с. 345].

Таким образом, в послевоенный период наибольшую активность на поприще изучения колониальной политики Курляндского герцогства проявили латышские историки-эмигранты. Для них данный эпизод «истории Латвии» выполнял своего рода «компенсаторную» функцию: по замечанию американского исследователя Гарри Мерритта, «наряду с широко распространенным в Латвии мнением, что их страна стала жертвой колониализма под советским управлением, существование исторической “латышской” колонии (на острове Тобаго. – *О. Е.*) помогает смягчить негативные постколониальные чувства современности» [35, с. 492]. В рассмотренных трудах курляндские колонии, особенно на острове Тобаго, приобрели свойства «земли обетованной», где предки латышей могли получить свободу от крепостного угнетения и иностранного владычества, а также достичь процветания, превратившись из холопов в рабовладельцев, из колонизированных – в колонизаторов. В этой связи оказавшиеся в «изгнании» латышские исследователи пристальное внимание уделяли поискам этнических латышей среди курляндских колонистов. Обнаружение последних позволило бы провести прямые взаимосвязи между исторической родиной историков и их новым домом.

Однако именно это обстоятельство породило национальную ангажированность их работ, что представляется большим недостатком для исторического исследования. Кроме того, все рассмотренные историографические материалы отличаются крайне ограниченной источниковой базой, а также содержат методологические изъяны, фактологические неточности и спорные тезисы. Также крайне слабо в них представлен период борьбы за колониальное наследство курляндских герцогов из династии Кеттлеров в XVIII в. Учитывая, что работы, рассмотренные в настоящем очерке, отражают достигнутый на сегодняшний день уровень знаний в данной области,

изучение истории колониальной политики Курляндского герцогства представляется актуальным до сих пор.

Список использованных источников

1. Дридзо, А. Д. Курляндская колония в Гамбии / А. Д. Дридзо // Африка: встречи цивилизаций; под ред. В. Б. Мириманова. – М.: Мысль, 1970. – С. 343–347.
2. Евстратьев, О. И. Колониальная политика Курляндского герцогства в исторической памяти народов Восточной Европы и Прибалтики / О. И. Евстратьев // Социально-гуманитарные знания: материалы XII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 нояб. 2015 г. / под ред. И. В. Титовича [и др.]. – Минск: РИВШ, 2015. – С. 42–49.
3. Евстратьев, О. И. Колониальная политика Курляндского герцогства в прибалтийско-немецкой историографии второй половины XIX века / О. И. Евстратьев // История и культура на стыке эпох и цивилизаций: историко-культурное наследие как ресурс и результат развития общества: материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 250-летию М. К. Огинского, Минск, 25–26 сент. 2015 г. / под ред. И. И. Калачовой [и др.]. – Минск: РИВШ, 2015. – С. 69–73.
4. Евстратьев, О. И. «Latviešu kolonisti» vs. «Erster deutscher Kolonialversuch»: латышская и прибалтийско-немецкая историография курляндского колониализма в межвоенный период (сравнительный анализ) / О. И. Евстратьев // Научные труды РИВШ. – 2016. – Вып. 16, ч. 1. – С. 96–106.
5. Anderson, E. Die ersten kurländischen Expeditionen nach Westindien im 17. Jahrhundert / E. Anderson // Baltische Hefte. – 1961. – Jg. 8, H. 1. – S. 13–35.
6. Anderson, E. Die kurländische Kolonie Tobago, I / E. Anderson // Baltische Hefte. – 1962. – Jg. 8, H. 3. – S. 129–155.
7. Anderson, E. Die kurländische Kolonie Tobago, II / E. Anderson // Baltische Hefte – 1962. – Jg. 8, H. 4. – S. 216–232.
8. Anderson, E. Latvians in Foreign Lands / E. Anderson // Ilustrētais Vārds. – 1947. g. maijā. – № 17. – 3–4, 18. lpp.
9. Anderson, E. The Couronians and The West Indies. The First Settlements / E. Anderson // Caribbean Quarterly. – 1959. – Vol. 5, № 4. – P. 264–271.
10. Anderson, E. Tobago heute / E. Anderson // Baltische Hefte – 1961. – Jg. 7, H. 4. – S. 212–228.
11. Anderson, E. When Latvians First Voyaged West / E. Anderson // The Christian Science Monitor (Boston). – 1956, 2. Jan. – Vol. 48, № 52. – P. 8.
12. Andersons, E. Evanģēliski-luteriskā baznīca senajā kurzemnieku kolonijā Tobāgo / E. Andersons // Ceļa Biedris. – 1961. g. marta. – № 3 (53). – 44.–45. lpp.
13. Andersons, E. Pirmā latviešu kolonija Amerikā / E. Andersons // Ilustrētais Vārds. – 1947. g. maijā. – № 17. – 6–7, 19–20. lpp.
14. Andersons, E. Pirmie kurzemnieki Bostonā / E. Andersons // Laiks. – 1956. g. 21. jul. – Vol. VIII, № 58 (652). – 3. lp.
15. Andersons, E. Pirmie kurzemnieki Brazīlijā / E. Andersons // Laiks. – 1957. g. 1. jūn. – Vol. IX, № 44 (741). – 3. lp.
16. Andersons, E. Pirmie Kurzemnieki sakari ar Rietumindijas salam / E. Andersons // Rakstu Krājums II; red. J. Siliņš. – Ņujorka: Latviešu Humānitāro Zinātņu Asociācija, 1963. – 26–61. lpp.
17. Andersons, E. Senie kurzemnieki Amerikā un Tobāgo kolonizācija / E. Andersons. – Stockholm: Daugava, 1970. – 373 lpp.
18. Andersons, E. Tobāgo / E. Andersons // Tālos Krastos. – 1948. g. 25. okt., 10., 25. nov. – Vol. I, № 9–11.

19. *Andersons, E.* Tur plīvoja Kurzemes karogi / E. Andersons. – Brooklyn (New York): Grāmatu draugs, 1970. – 238 lpp.

20. *Andersons, E.* Zem melnā karoga / E. Andersons // Daugavas Vēstnesis. – 1943. – g. 27.–28. febr., 02.–03. martā. – № 49–52.

21. *Andrupis, J.* Edgars Andersons [Electronic resource] / J. Andrupis // Nekropole. – 2017. – Mode of access: <https://nekropole.info/lv/Edgars-Andersons-17.06.1920>. – Date of access: 11.02.2017.

22. *Balodis, A.* Latvijas un Latviešu Tautas Vēsture / A. Balodis. – Rīga: Kabata, 1991. – 432 lpp.

23. *Berkis, A. V.* The History of the Duchy of Courland (1561–1795) / A. V. Berkis. – Towson (Maryland): The Paul M. Harrod Company, 1969. – 336 p.

24. *Berkis, A. V.* The Reign of Duke James in Courland (1638–1682) / A. V. Berkis. – Lincoln (Nebraska): Vaidava, 1960. – 213 p.

25. *Brandt, A. M.* Kurlands Kolonien / A. M. Brandt // Geschichte mit Pfiff. – 1999. – № 7. – S. 21.

26. *Bundurs, Ž.* Senās latvju kolonijas Gambija Tobago / Ž. Bundurs. – Rīga: Lauku Dzīve, 1992. – 23 lpp.

27. *Burns, A.* History of the British West Indies / A. Burns. – 2nd ed. – London: Allen and Unwin, 1965. – 849 p.

28. *Dunsdorfs, E.* Latvijas Vēsture, 1600–1710 / E. Dunsdorfs. – Uppsala: Daugava, 1962. – 530 lpp.

29. *Goslinga, C.* The Dutch in the Caribbean and on the Wild Coast, 1580–1680 / C. Goslinga. – Gainesville: Florida Press, 1971. – 647 p.

30. *Jekabson-Lemanis, K.* Balts in the Caribbean. The Duchy of Courland's attempts to colonize Tobago Island, 1638 to 1654 / K. Jekabson-Lemanis // Caribbean Quarterly. – 2000, June. – Vol. 46, № 2. – P. 25–44.

31. *Kleyntjens, S. J.* De koerlandse kolonisatiepogingen op Tobago / J. S. Kleyntjens // West-Indische Gids. – 1949. – Vol. XXX, № 7–8. – P. 193–216.

32. *Kowalski, M. A.* Kolonie Rzeczypospolitej / M. A. Kowalski. – Warszawa: Bellona, 2006. – 368 s.

33. *Mattiesen, O. H.* Die Kolonial – und Überseepolitik der kurländischen Herzöge im 17. und 18. Jahrhundert / O. H. Mattiesen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1940. – S. 1015.

34. *Mattiesen, O. H.* Kurländische Überseekolonien vor 300 Jahren / O. H. Mattiesen // Baltische Briefe. – 1953, Aug./Sept.–Nov. – № 8/9 (58/59). – № 11(61).

35. *Merritt, H. C.* The colony of the colonized: the Duchy of Courland's Tobago colony and contemporary Latvian national identity / H. C. Merritt // Nationalities Papers. – 2010. – Vol. 38, № 4. – P. 491–508.

36. *Noack, S.* Der Alptraum der Indigenen? – Kurlands Kolonie auf Tobago / S. Noack. – GRIN Verlag, 2011. – S. 22.

37. *Noack, S.* Der Traum des Herzogs – Kurlands Kolonie auf Tobago / S. Noack. – GRIN Verlag, 2009. – S. 18.

38. Senās latvju kolonijas. Gambija, Tabago [Electronic resource] // WorldCat. – 2017. – Mode of access: <http://www.worldcat.org/title/senas-latvju-kolonijas-gambija-tabago/oclc/42320380>. – Date of access: 11.02.2017.

39. *Southorn, B.* The Gambia: The Story of the Groundnut Colony / B. Southorn. – London: Allen and Unwin, 1952. – 284 p.

40. *Spekke, A.* History of Latvia: An Outline / A. Spekke. – Rīga: Jumava, 2006. – 408 p.

41. The Couronians and the West Indies [Electronic resource] // The University of Chicago. Library Catalog. – 2017. – Mode of access: <https://catalog.lib.uchicago.edu/vufind/Record/4234714/Holdings#tabnav>. – Date of access: 11.02.2017.

(Дата подачи: 13.02.2017 г.)